

АЛЕКСАНДР
КОЛТАКОВ

СИБИРСКИЕ
БЫЛИЦЫ

Александр Колтаков
Сибирские былицы

«Издательство «Союз писателей»

2025

УДК 82-32
ББК 84(2=411.2)6- 44

Колтаков А. А.

Сибирские былицы / А. А. Колтаков — «Издательство «Союз писателей», 2025

ISBN 978-5-00187-988-6

Мир реальный и капля фантазии встретились на страницах этого сборника прозы. В рассказах, которые уводят читателя в настоящую тайгу, ждут приключения, знакомые каждому, кто привык отдыхать не за морями да океанами, а в Сибири, полной чудес. Красочные картины природы, живые характеры героев, правдивые моменты из путешествий – всё это в разделе книги «Таёжные истории». Смешное и серьёзное – две составляющие раздела «Был ещё такой случай...». Ситуации, ставшие основой для сюжетов, узнаваемы, актуальны, современны, написаны лёгким языком и содержат в себе немного здоровой иронии. Завершается сборник повестью «Бабушка Чмолли», которая представляет собой сказку с философским и социальным подтекстом, не лишена одновременно волшебства и драмы, содержит правильный посыл и поучительный смысл.

УДК 82-32
ББК 84(2=411.2)6- 44

ISBN 978-5-00187-988-6

© Колтаков А. А., 2025
© «Издательство «Союз писателей», 2025

Содержание

Таёжные истории	6
«Поле чудес» на берегах Бин	6
Лунная соната	12
Прощание	14
Воробей	16
Необыкновенный пленэр	18
Фартовый	23
Хозяин тайги	26
Дом на берегу	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Колтаков Сибирские былицы. Рассказы и повесть

Литературно-художественное издание

© Колтаков А. А., 2025

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2025

© ИП Соседко М. В., издание, 2025

Таёжные истории

«Поле чудес» на берегах Бин

В начале двухтысячных мне и моим друзьям было слегка за сорок. Это самый замечательный возраст, когда ты ещё полон сил для реализации всех своих планов, и уже появились материальные возможности для их воплощения.

Дружили семьями, проводили вместе отпуска на морях, отмечали дни рождения и прочие праздники. Со временем пристрастились к таёжным походам и сплавам по рекам у нас в Сибири. Поскольку это был не совсем комфортный отдых, жёны постепенно самоустранились, и мы стали выезжать чисто мужской компанией.

С особой любовью и трепетом лично я отношусь к путешествиям по Горному Алтаю. Об одном из первых таких походов мне и хочется рассказать.

Однажды, закончив очередную трудовую неделю, собрались в бане. После берёзового венчика и кружки холодного пива наши души воспарили ввысь и узрели оттуда перспективу другого блаженства – отдыха на лоне дикой природы. Выпив ещё по кружке, единогласно решили устроить себе небольшой отпуск и слетать порыбачить на какую-нибудь таёжную речку. Не откладывая дела в долгий ящик, позвонили знакомым «летунам».

Через несколько дней ранним сентябрьским утром вся дружная компания на нескольких машинах прибыла в аэропорт городка Таштагол на юге Кемеровской области. Работяга Ми-8 должен был закинуть нас в верховья реки Малый Абакан. Но, как говорится, мы предполагаем,

а судьба располагает. Где-то на таёжных просторах Кузбасса потерялась группа горе-туристов, и наш борт был отправлен на их поиски.

Досадную отсрочку полёта решили скоротать на берегу протекающей рядом реки. В предвкушении нового приключения все пребывали в приподнятом настроении. Дабы не понижать планку и градус оптимизма, извлекли из багажников машин часть спиртного и испечённых жёнами пирожков. Дальнейшее ожидание проходило в особенно тёплой обстановке.

После обеда вертолёт наконец-то вернулся, но нам объявили, что в связи со сложными метеоусловиями на сегодня все полёты отменяются. Весь вечер мы провели у костра – под гитару и домашнюю снедь. Поздно ночью прямо в зале ожидания аэропорта распаковали свои спальники и расположились на ночлег.

На следующее утро нам выдали новую информацию: небо закрыто на весь день и, возможно, на последующие дни тоже. Несколько членов команды, высказав хмурым небесам своё глубочайшее неудовольствие, решили вернуться домой. Оставшиеся договорились двинуть на машинах в сторону горно-алтайского райцентра Турочак и провести свой короткий отпуск где-нибудь там, на берегу полноводной Бии.

Весь путь до заветной цели экспедицию сопровождал мелкий дождик. Он навевал грусть, зато избавил нас от облаков пыли, преследующих автомобилистов на этом участке в сухую погоду.

Свернув с основной трассы, после долгих блужданий по лесным дорогам мы оказались на слиянии рек Лебедь и Бия. Невдалеке виднелись какие-то строения, слышен был лай собак. День подходил к концу, и мы решили на ночь остаться здесь, а уже с утра отправиться на поиски более удобной локации на берегу Бии. Но потом осмотрелись повнимательнее, и нам так это место понравилось, что решено было игнорировать близкое соседство с признаками цивилизации и окончательно встать лагерем.

Быстро установили палатки и места общего пользования. Накачали и спустили на воду резиновые лодки. На одну из них успели поставить мотор.

Стало смеркаться. Дождик продолжал своё мокрое дело. Не было никакого желания разводить костёр, и мы, наскоро перекусив, разбрелись по палаткам. Мысли о том, что прохудившиеся небеса могут испортить весь отдых, долго не давали уснуть.

Утром всех разбудил рёв бензопилы. Это наш незаменимый в хозяйстве Евгений приступил к заготовке дров для костра.

После завтрака несколько человек отправились на лодке с мотором вверх по Бие в поисках хариуса. Я же, покидав безрезультатно блесну в светло-стремительные воды Бии, решил порыбачить на червя в мутной от дождей реке Лебедь. С первого же заброса попался крупный пескарь. Затем ещё и ещё...

Я словно вернулся в детство, когда, будучи пацаном, всё лето проводил на берегах Ануя, ловя на удочку эту вкуснейшую рыбёшку. Из глубин памяти сразу всплыли живые картинки тех беззаботных дней в предгорьях Алтая. Вот я, совсем мальчишка, прихожу домой с полным бидоном чебаков и пескарей. С усталым, но гордым видом показываю свой улов маме. Та делает удивлённое лицо и, погладив меня по голове, произносит самые приятные для мужчины слова: «Добытчик мой!» Почистив и пожарив рыбу до хрустящей корочки, подаёт на стол. Я уплетаю эту вкуснятину за обе щёки, то и дело запивая молоком, а в голове зарождаются планы на завтрашнюю рыбалку. Во сколько? На какое место? С кем? И в который раз мечтаю о том, что завтра наступит день моего рыбацкого счастья, и я на зависть всем другим пацанам поймаю огромного леща. То-то удивится мама, когда я вручу ей такую рыбину!

Увы, за всё детство вожаденный лещ ни разу не попался мне на удочку. Хотя этой рыбы в Ануе водилось тогда предостаточно. И вот сейчас, вытягивая очередного пескаря, я вновь почувствовал робкую надежду. Может быть, сегодня, на берегу этой доброй реки с красивым названием Лебедь мне, наконец-то, повезёт, и я поймаю свою давнюю мечту?

Но, видно, не судьба. Не сбылось и на этот раз. Наловив с половину кана пескарей, я вернулся в лагерь. Спустя несколько минут прибыли ловцы хариуса – без единой рыбки. Но при этом готовить и есть моих непрезентабельных пескарей захотели не все.

Вскоре с реки Лебедь послышался гул мотора. В сторону Бии спускалась деревянная лодка. В ней сидели два человека. Мы стали кричать и махать руками, чтобы они причалили к нам.

Через пару минут лодка уткнулась в берег. В ней сидела очень колоритная парочка: сухощавый, смуглый алтаец в выцветшей плащ-палатке и женщина с синюшным одутловатым лицом, на котором легко читался глубоко асоциальный образ жизни на протяжении долгого времени. Бандана на голове и тельняшка, выглядывавшая из-под штормовки, придавали ей слегка пиратский вид.

Мы стали расспрашивать: есть ли здесь рыба, и на что её можно поймать. Ну, или хотя бы приобрести у кого-то. Местный житель Николай, так он представился, заверил, что рыбы здесь полно. Они плывут проверять перемёты и на обратном пути завезут нам налимов. «А это моя жена», – кивнул Николай на свою спутницу в ответ на наши вопросительные взгляды. Как её зовут, сказать он не посчитал нужным.

Не прошло и часа, как с реки снова донёсся гул мотора. Николай причалил свою лодку возле нашей и выбросил на берег четырёх налимов.

Самый бывалый среди нас походник Евгений вручил рыбачке четыреста рублей и пригласил обоих вечером на уху к нашему, так сказать, шалашу. Они с радостью согласились и отчалили от берега.

Обычно деликатный Иван не удержался и, обращаясь к Евгению, высказал ему в витиеватой форме наше общее недовольство:

– Твоя вежливость здесь неуместна, и общество сомнительной парочки в виде хмурого аборигена и откровенной «синявки» нам не очень-то будет приятно!

– Успокойтесь! Контакты с местным населением в непосредственной близости от их проживания просто жизненно необходимы, – объяснил свой поступок наш многоопытный товарищ. – Заодно, возможно, узнаем: где, как и на что здесь можно поймать рыбу. Или купить, на худой конец!

На эту житейскую мудрость возразить было нечем, и мы спокойно занялись дальнейшим обустройством лагеря и подготовкой ужина.

Незаметно на землю опустились сумерки. Дождь больше не моросил, но небо было сплошь затянуто тучами. Глубоко волнительного и романтического созерцания звёздного неба в ближайшее время не предвиделось.

Мы расселись вокруг костра – кто на складных стульчиках, кто на лавках, сколоченных из подручных материалов. Котелок с готовой ухой стоял возле костра. Каждый сам подходил к нему и наливал половником нужную порцию себе в миску.

Дежурный Иван приступил к торжественному ритуалу: начал наливать водку из пятилитровой пластиковой ёмкости в металлическую кружку, чтобы потом пустить её по кругу.

В это время в свете костра появилась мохнатая собака, а за ней Николай. Следом подошла небольшого роста худенькая смуглая бабушка в фуфайке и платке.

– Это моя мама! – представил её всем наш новый знакомый.

Старушка оглядела нашу компанию и слегка хрипловатым, но приятным голосом сказала:

– Всем доброго вечера!

Кто-то освободил ей стул, и бабушка, кивнув в знак благодарности, присела на него. Николай расположился рядом на свободном чурбане.

Владимир, неформальный командир нашей экспедиции, не удержался и спросил у него:

– А почему жена не пришла?

– Так вы же ей денег дали, – последовал обескураживающе честный ответ. – Она с ними ушла в Турочак. Теперь, пока все не пропьёт, – обратно не вернётся.

Мы молча переглянулись. Однако!

Чтобы заполнить возникшую паузу, я решил познакомиться с бабулей и полюбопытствовал:

– Как вас зовут?

– Зовите меня, сынки, баб Машей, – скромно представилась старушка.

Тем временем дежурный налил водку в большую кружку и пустил её по кругу. Из неё каждый отливал себе в свой стаканчик, сколько хотел, и передавал дальше.

Когда кружка впервые дошла до Николая, мать сказала ему строго:

– Много не наливай!

И после паузы добавила:

– Пить сначала научись!

– Ну что вы, мама, опять за своё! – с укором произнёс Николай и от души плеснул себе в стакан. Так повторялось каждый раз, когда кружка доходила до его рук.

Слыша очередное такое обращение к маме, я с удивлением думал: «Вот тебе и дикий таёжный народ! Какое у них почтительное отношение к родителям! Нам учиться у них и учиться». Даже испытал нечто похожее на угрызения совести: при всей любви к маме мне бы и в голову не пришло назвать её на «вы». Значит, это я при двух своих высших образованиях дремучий по сравнению с этими простыми таёжными людьми. Ведь сколько глубокого уважения звучит в обыкновенном слове «вы», обращённом к самому близкому тебе человеку. Да уж! Век живи – век учись и удивляйся!

Начались с нашей стороны расспросы о местной жизни. Хотя и так было понятно, что в этой глуши ничего путного кроме природы мать с сыном и не видели. Николай, в основном, молчал, зато баба Маша охотно с нами общалась. Причём речь её была вполне правильной, рассудительной и бойкой.

Кто-то из наших поинтересовался, бывала ли она в большом городе.

– Я когда-то в Бийске училась. В Горно-Алтайск несколько раз ездила к сестре и в Москве разок побывала. Там с самим Якубовичем целовалась! – засмущавшись, но не без гордости призналась баба Маша.

Тут уже всех нас одолело любопытство:

– Как это случилось?

– Да меня как лучшего оленевода районное начальство направило на «Поле чудес». Даже сшили для меня по такому случаю новый национальный костюм. Ох, и попотеть в нём пришлось, пока передача шла!

– И как? Все буквы угадали? – с подковыркой ввернул Олег.

– А как же! – ответила старушка. – Суперприз выиграла! Квартиру в Москве! На радостях тогда с Якубовичем и поцеловалась!

Признаться, многих из нас такой поворот привёл в искреннее изумление. После минутного замешательства Евгений изрёк:

– По такому случаю не вижу повода не выпить!

Все дружно и весело его поддержали. Стаканчики быстро были наполнены. В этот раз мать даже не пыталась остановить Николая, чем тот моментально воспользовался и первым опустошил свою ёмкость.

Выпив со всеми и ещё купаясь в наших одобрительно-удивлённых взглядах, баба Маша всё же неодобрительно покосилась на сына:

– Закусывай хоть.

– Мама, ну что вы начинаете? Всё будет хорошо, – заверил тот.

– Знаю я вас, алкашей! – повысив голос, с раздражением продолжила баба Маша.

– Квартиру детям, наверное, подарили? – спросил кто-то, чтобы прекратить их перепалку.

– Нет. Хоть их у меня двое, да оба непутёвые уродились, все в покойника отца, – в сердцах махнула рукой старушка. – Племяннику своему отдала. Он один у нас в люди выбился. В Москве живёт. Людей защищает.

Я первым догадался и уточнил:

– Адвокатом, что ли?

– Во-во! Им самым, – подтвердила баба Маша.

Повисла неловкая тишина. Лишь слегка потрескивали дрова в костре. Собака Лана, лежавшая всё время у моих ног, поднялась, потянула носом в сторону кустов и беззвучно удалилась. Опять стал накрапывать дождик.

Чтобы прервать затянувшееся молчание, я спросил:

– Баб Маш, как думаете: надолго плохая погода установилась? Не хотелось бы уезжать из-за неё отсюда.

– Не переживайте, сынки. Помогу я вам, – заверила она. И, протянув мне свой пустой стакан, неожиданно потребовала: – Наливай!

Всем остальным тоже досталась очередная порция спиртного. Николай сидел со стаканом в руке, слегка покачивался на чурбане и, не моргая, смотрел на мать. Тем временем баба Маша продолжила:

– В нашем роду были сильные шаманы, и я кое-что в этом смысле.

Обратив свой взор на языки костра, она стала бормотать какие-то заклинания. Затем плеснула водкой в огонь, подняла руки и начала совершать ими ритуальные пассы, словно разгоняя облака над головой.

Уже изрядно захмелевшие зрители во все глаза наблюдали за этим действием, пока вдруг не раздался пьяный голос Николая:

– Мама, кончайте хернёй заниматься!

После этой фразы он резко опрокинул в себя содержимое стакана, потерял равновесие и завалился боком в костёр. Искры столбом взметнулись в небо.

От неожиданности все на мгновение замерли, наблюдая за происходящим. Потом Николай быстро подняли, стряхнули с него прилипшие угольки и языки пламени. Он едва мог стоять на ногах. На шум прибежала из леса его собака и стала громко лаять.

В сопровождении двух моих товарищей, ругающейся матери и лающей Ланы Николай был отправлен домой. Ушедшие приятели вскоре вернулись, и мы ещё какое-то время посидели у костра, со смехом обсуждая происшедшее. Так закончился первый день нашего отдыха на берегу Бии.

Ночью мне приснился огненный шаман. Он кружился в бешеном танце и бил колотушкой в пылающий бубен. При каждом ударе в чёрное небо устремлялся огромный столб ярчайших искр. Они не гасли, а поднимались всё выше, рассыпались по небу и замирали мерцающими огоньками. Так продолжалось до тех пор, пока весь небосвод не оказался усыпан звёздами. Тогда шаман в последнем неистовом прыжке метнул свой бубен вверх и исчез вслед за ним. Достигнув наивысшей точки небесной сферы, огненный круг завис и, быстро остывая, стал превращаться в холодный диск луны. На спящую тайгу, поверхность реки и мою голову обрушился её таинственный свет. Не в силах оставаться на месте, я широко раскинул руки и полетел навстречу.

Утром все проснулись от солнечного света, пытавшегося пробиться сквозь полотно палаток. К всеобщей радости, погода действительно наладилась. Повлияла ли на это магия бабы Маши или просто так совпало, – для нас осталось загадкой.

Целыми днями катались мы на моторной лодке по быстрым водам Бии, безуспешно пытались изловить неуловимого хариуса. Впрочем, это нас не сильно огорчало, потому что по берегам в избытке росли грибы и таёжная ягода, а ещё в том году уродился кедровый орех.

Сколько было сделано замечательных фотографий, запечатлевших красоту алтайской природы! Сила и мощь реки завораживали, а красавица скала посреди Бии стала для нас просто культовым местом. Каждый раз, проплывая мимо, мы причаливали к ней, загорали на камнях, купались в ледяной воде и делали снимки для грядущих поколений. Проблемы с рыбой тоже не было. Нам её регулярно поставлял Николай. Мы же, имея печальный опыт, расплачивались с ним, в основном, продуктами и бензином.

Мохнатая собака Лана каждое утро прибегала в лагерь и весь день ни на шаг не отходила от хозяйственного Евгения. Ходила с ним за дровами, по грибы и ягоды, звонким лаем предупреждала о приближении к лагерю посторонних, за что получала от него заслуженные вкусняшки.

С наступлением темноты на огонёк заглядывали наши новые знакомые. Правда, вели они себя уже совсем по-другому. Молча садились у костра на свои привычные места и весь вечер смотрели на огонь. На все вопросы отвечали коротко – «да» или «нет» – и продолжали внимательно слушать наши разговоры «за жизнь». В какой-то степени наша компания была для них сборищем инопланетян, живущих в другом измерении.

В день отбытия мать с сыном с утра пришли нас провожать. Молча сидели и наблюдали за сборами. Лана бегала между нами и поскуливала, чуя предстоящее расставание. Наконец стали прощаться. Баба Маша продолжала сидеть и смотрела на нас глазами, полными печали. Николай, пожимая каждому руку, приглашал в следующем году приехать снова: «Мужики, приезжайте! Не забывайте нас! Мы вас будем ждать!»

Мы обещали, но не сложилось. Зато мать и сына помним до сих пор. А грубовато-вежливая фраза Николая стала крылатой в нашей компании. Любой из нас в сомнительной ситуации произносит с серьёзным видом: «Мама, кончайте...» И все остальные со смехом завершают эту реплику.

Прошло много лет, а я по-прежнему с теплотой вспоминаю тот поход на берега Бии, где судьба свела меня с простыми, в чём-то несчастными, но в то же время удивительно живыми людьми. Наш великий земляк Василий Макарович с неподдельной любовью называл таких «чудиками».

До сих пор не знаю, правдивую историю рассказала нам баба Маша, или это была творческая импровизация захмелевшего алтайского «чудика». Да теперь это и не важно.

Несмотря на их незавидный быт и очевидные слабости, эти люди не вызвали у меня пренебрежения или жалости. Наоборот, я, измотанный жёсткими правилами городской жизни, неожиданно для себя испытал по отношению к ним какое-то детское, не осознанное до конца восхищение и даже зависть. Возможно, это было вызвано их непосредственностью, предельно искренним восприятием окружающего мира и человека в нём. А может, отдыхая душой, я просто снова был очарован родным краем и живущими здесь людьми.

Лунная соната

Каждый год в конце августа сугубо мужской компанией мы отправляемся на двухнедельный сплав по какой-нибудь горной сибирской реке. Всем нам, в основном, за пятьдесят, среди нас нет экстремалов, поэтому маршрут мы выбираем не по категории сложности не для того, чтобы пощекотать нервы. Просто хотим отдохнуть среди таёжной природы и вдоволь порыбачить, благо рыба в наших реках ещё не перевелась.

За неделю до сплава начинается всеобщий ажиотаж. Сборы, проверка оборудования, закупка провианта. Это очень ответственный и волнительный процесс. Нельзя ничего забыть или взять с собой что-то неисправное, это может серьёзно осложнить жизнь в непростых походных условиях.

Чем ближе подходит день отлёта, тем больше переживаний за предстоящее путешествие. И лишь когда загруженный вертолёт со всей командой на борту отрывается от земли, приходит осознание, что наша привычная жизнь с её заботами, проблемами и делами наконец-то осталась позади, где-то внизу, и начинается необычный, полный приключений, новый её период.

Каждый такой сплав по-своему неповторим. За две недели происходит столько событий, столько появляется ярких эмоций, что всё пережитое на фоне родной сибирской природы остаётся в памяти и греет душу весь год до следующего сплава.

В конце лета в тайге темнеет быстро и рано. Солнце прячется за ближайший склон горы, и всю речную долину накрывают сумерки. Через какое-то время над головой появляются первые звезды, потом ещё и ещё. И вот уже всё небо усыпано светящимся кружевом, но на берегу по-прежнему темно, ведь луна пока где-то за высокой вершиной. Наконец наступает момент, когда она отрывается от горного силуэта, и долина реки озаряется ярчайшим лунным светом. Виден каждый камень на берегу. Вода, деревья, даже наши разноцветные палатки приобретают особенный, сказочно-таинственный вид.

Я очень люблю такие безоблачные ночи на берегу реки. После ужина, прихватив раскладное кресло, отхожу подальше от костра и общего шатра-«колокольчика», освещенного лампочками, и, усевшись поудобней, начинаю созерцать явление луны на звёздном небосводе.

Мои друзья-товарищи продолжают сидеть за столом и ведут нескончаемые разговоры «за жизнь». Постепенно кто-то перебирается поближе к костру, а кто-то уходит в палатку отдыхать и набираться сил на следующий день.

Всё это время общим фоном звучит колонка, из которой льётся поток «шансонных» песен, в том числе и со специфично-уголовной тематикой. Почему так сложилось – загадка, но на протяжении нескольких лет звучало почти одно и то же. Это настолько всем надоело, что перед очередным сплавом я попросил нашего старожилу Петровича лично заняться музыкальным сопровождением экспедиции и скачать на флешку что-нибудь новенькое. Он в молодости серьёзно увлекался музыкой, неплохо играл на нескольких инструментах. Ему, что называется, и карты в руки.

Через несколько дней Ми-8 снова поднял нас над бескрайним морем тайги. За бортом до самого горизонта зелёными волнами раскинулись горные хребты, между которыми в лучах солнца изредка поблёскивали серебристые нити рек. Красота необыкновенная! Все, прильнув к иллюминаторам, не отрывали взгляда от завораживающих видов тайги, начавшей встречать осень.

После приземления, разгрузив вертолёт, все принялись устанавливать лагерь. Место было выбрано удачно, и мы быстро справились с этой задачей. До темноты оставалось ещё пару часов. Стосковавшись за год по настоящей рыбалке, мужики разбрелись со спиннингами и удочками вдоль берега реки, чтобы отвести душу.

Рыбалка удалась, и ещё затемно все вернулись с уловом. Дальше всё происходило по давно отработанной схеме: чистка и засолка рыбы, приготовление ужина, общий сбор за столом и разговоры под звуки давно надоевшего «шансона».

Когда небо усыпали звёзды, я, по привычке прихватив кресло, устроился в сторонке, чтобы встретить появление луны. Пока ждал её, Петрович наконец-то вспомнил о моей просьбе и поставил новую флешку. Он действительно подошёл к этому вопросу с душой. Над рекой полились песенные хиты нашей юности: «Арабесок» сменяла «АББА», вслед за «Битлз» звучали «Квин» и итальянцы. Созерцая звёздное небо, я слушал эту музыку, и ощущения давно прошедшей молодости ностальгической волной поднимались в сердце.

Когда луна наконец-то выглянула из-за горы и осветила всю речную долину, звучала «What Can I Do» в исполнении Алана Силсона. Вскоре эта очень популярная в своё время композиция группы «Смоки» закончилась. Образовалась короткая пауза.

В наступившей тишине едва слышен был шум реки. Повеяло прохладой. Я машинально застегнул куртку, продолжая любоваться ночным небом. И вдруг... Полилась классическая музыка. Она растекалась над водой, деревьями, поднималась вместе с искрами костра и, набирая силу, уносилась к склонам гор. Отражаясь от них, мелодия улетала к звёздам, чтобы потом вернуться на землю волшебным светом.

Возможно, это Петрович, прочувствовав ситуацию, сделал звук на полную громкость. Я, никогда особо не увлекавшийся музыкой, тем более классической, почему-то узнал её и даже вспомнил название. Звучала «Лунная соната» Бетховена.

Это было настолько неожиданно, величественно и красиво, что я потерялся, растворился в потоке лунного света, звучащего с небес. Даже когда соната закончилась и полилась другая мелодия, я ещё какое-то время сидел неподвижно и приходил в себя от потрясения. Потом встал, подошёл к столу. За ним сидели мои притихшие друзья-товарищи.

Петрович, увидев меня, протянул кружку и с хитрецей спросил:

– Ну, как новая флешка? Понравилось?

– Не то слово! – заверил я его. И добавил: – Давай ещё повторим!

– Всю по новой? – уточнил он.

– Нет! Сначала «Лунную сонату», а потом можно всё по новой.

Он начал нажимать на кнопки, ища начало сонаты, а я, отпив из кружки, поспешил к креслу в свой одноместный зрительный зал.

Так неожиданно для себя на склоне лет я стал большим поклонником классической музыки – благодаря великому Бетховену, таёжной реке, яркой луне и, конечно, Петровичу.

P. S.

Собирая вещи на очередной сплав, я вдруг подумал: «А как бы звучал в ночной тайге настоящий орган? Жаль, конечно, что это невозможнозна сделать. Ладно, попрошу Петровича – пусть в этот раз скачает на флешку Баха».

Прощание

Странная штука – жизнь. Кем, а главное, зачем она даётся и почему так быстро забирается без нашего на то согласия? Каждый хотя бы раз задавался этими вопросами.

Поиски смысла существования на этом свете порою заводят в такие философские дебри, из которых и выхода уже не найти. Но бывают моменты, когда сама жизнь даёт подсказки – через, казалось бы, самые обыденные вещи. И происходит озарение, после которого человек начинает по-новому смотреть на привычный ему мир. Нечто подобное случилось со мной несколько лет назад.

Как обычно, в конце лета наша группа улетела на вертолёт в верховья горной сибирской реки, откуда потом две недели сплавились на катамаранах вниз по течению.

Преодолев определённый участок пути, становились лагерем на удобном берегу и два-три дня облавливали ближайшие места. Помимо рыбалки, бродили вдоль берега, собирали кедровый орех, грибы и бруснику, чтобы разнообразить свой стол.

Старшим по возрасту в нашей разношёрстной команде был тогда Серёга. Энергичный и жизнерадостный человек, он пользовался заслуженным уважением. И вот два года назад с ним случилась беда: навалилась внезапно суровая и беспощадная болезнь. Серёга боролся с ней, но она не отступала.

Перед этой поездкой в тайгу он прошёл курс химиотерапии. Прямо в коридоре поликлиники, потеряв сознание, упал и разбил себе лицо. Так и полетел на сплав – с синяками и ссадинами. А во время погрузки вещей на вертолёт ещё и извинялся за то, что теперь нам не помощник. Мы шутливо отмахивались, давая понять, что справимся и сами.

После приземления, стараясь успеть до захода солнца, все активно оборудовали лагерь: занимались дровами, костром, палатками, общим шатром-«колокольчиком», генератором и массой других важных вещей, без которых приятный и достаточно комфортный отдых в тайге может превратиться в борьбу за выживание. Серёга участвовал в этом процессе, как мог, но в основном сидел на раскладном стульчике и наблюдал за нами.

Вечером все собрались под «колокольчиком» и, как водится, отмечали начало нового двухнедельного приключения под названием сплав. Стол ломился от домашних припасов и свежеприготовленного хариуса в жареном, пареном и слегка присоленном виде. Спиртное было налито в кружку, которая шла по кругу. Желающий выпить принимал её, говорил тост во славу нашей дружбы и красоты природы, а затем, сделав глоток, передавал кружку следующему.

Сергей первым покинул общий стол, сел у костра и, подкидывая дрова в огонь, слушал наши задушевные разговоры. В какой-то момент вдруг попросил налить и ему, хотя до этого ни разу даже не пригубил из кружки.

– А можно тебе? – с беспокойством спросил я.

– Мне теперь всё можно, – спокойно ответил он.

Больше никто не задавал ему глупых вопросов. Торжественный ужин продолжался. Моего захмелевшего соседа по лавке и большого любителя хоккея потянуло на рассуждения о перспективах нашей дальнейшей жизни в преклонном возрасте.

– Ненавижу старость! – признался он. – Это противное чувство беспомощности: ты вроде бы и дотянул до овертайма, но уже безумно устал. Без всякой надежды забить самому обречённо ожидаешь в любую секунду финальную шайбу в свои ворота. Вопрос времени...

Кто-то за столом с ним безоговорочно согласился. Кто-то непонимающе хмыкнул. Кружка продолжила своё движение по кругу, хаотично меняя темы наших разговоров. Лишь далеко за полночь все разошлись спать.

Рано утром я выбрался из палатки по нужде. Лагерь и всё вокруг окутал туман. В костре догорали угольки, а у самого края воды сидел на стульчике Серёга. Он смотрел на реку и слегка проявляющиеся контуры кедров на противоположном берегу.

Но вот в далёкой выси первые лучи солнца зацепили верхушку горы, слегка подкрасив её розоватым светом. Казалось, весь мир замер в ожидании чего-то значимого и неповторимого.

Наш друг сидел в первом ряду партера и наблюдал начало грандиозного спектакля – первый акт, рождение нового дня. Действо происходило на великолепной сцене сибирской природы, пока не осквернённой присутствием горе-актёров.

Сразу вспомнился Шекспир: «Весь мир театр. В нём женщины, мужчины – все актёры». Многие так увлекаются актёрским ремеслом, что даже умирают на сцене, так и не поняв, для кого они играли. Но если все актёры, то кто же зритель? Для кого был создан этот удивительный театр?

Вот оно, прозрение! Не зря же говорят, что истина всегда где-то рядом. Впервые я увидел Великого зрителя, ради которого и существует восхитительный театр с необыкновенно красивой сценой и кулисами.

Сергей наслаждался этим миром и одновременно прощался с ним, понимая, что скоро, очень скоро он снова станет его составной частью. Будет туманом, водой, листвой или песчинкой и, возможно, вдохновит чью-нибудь душу на великую игру, достойную этих божественных подмостков. Или просто доставит наслаждение новому зрителю.

Так я стал случайным свидетелем сакральной и глубоко интимной картины прощания с этим миром. Через месяц друга не стало...

Я же всё чаще стараюсь путешествовать по нашим необъятным сибирским просторам и уже совсем другими глазами смотрю на окружающий мир. Созерцая его красоту, я ещё не определился, чего получаю больше: вдохновения или наслаждения. Но точно знаю: чувство обречённого овертайма мне не грозит.

Воробей

Наконец-то закончилась моя первая зимняя сессия, и я с чувством выполненного долга отправился на каникулы в маленькую алтайскую деревню, где на семи предгорных ветрах стоял мой отчий дом. Как же я скучал по нему, находясь в большом незнакомом городе!

Уже на подъезде к деревне через окно «пазика» смотрел и не мог насмотреться на замороженные и покрытые снегом родные места. Представлял, как, зная о моём приезде, с самого утра хлопочет у русской печи моя мама, как отец готовит к растопке баню.

Выйдя из автобуса, почти бегом поспешил к дому. У родного порога состоялась бурная встреча, потом был праздничный ужин и долгий вечер с рассказами. Меня расспрашивали об учёбе, городе, я – о своих одноклассниках, которые остались в деревне или тоже вернулись погостить на каникулы.

Утром, лёжа на пуховой перине, я проснулся от яркого солнечного света, пробившегося сквозь причудливо разрисованное морозом оконное стекло. Плотно позавтракав, отправился на встречу с лучшим школьным другом Саней, большим любителем охоты. Потому, может, он и поступил в военное училище, что обожал оружие, часто пропадал в лесу с ружьём.

В институте, записавшись в стрелковую секцию, я научился неплохо стрелять по мишеням, о чём и поспешил похвастаться другу. Саня, понятно, тут же решил проверить мои навыки в полевых условиях. Прихватив отцовские ружья, мы отправились прогуляться по окрестностям, а заодно и поохотиться. Тем более что погода этому благоприятствовала.

День выдался замечательный: неожиданно по-весеннему солнечный и не слишком холодный. Прогулка на лыжах в такое время – одно удовольствие! Душа наполняется радостью и умиротворением от общения с зимней природой. И пусть морозец щиплет нос и щёки, а солнышко ещё не греет по-настоящему, ты всё равно то и дело подставляешь лицо его лучам, щурясь от нестерпимой красоты зимнего света. А если за спиной у тебя ружьё, прогулка вообще приобретает особый смысл, главное в котором – азарт первобытного человека-добытчика. Ты теперь не просто турист-путешественник – созерцатель окружающих красот, ты охотник – самый опасный хищник, повелитель всего живого в округе!

Мы долго шагали по полям и лесу, увалам и овражкам. На ходу любовались родными местами, делились новостями и обсуждали события, случившиеся за прошедшие полгода. Всюду попадались заячьи и лисьи следы, но те, кто их оставил, упорно не желали встречаться с нами.

День подходил к концу. Приближались сумерки, и мы решили проверить последний островок густых зарослей кустарника. Саня велел мне оставаться на месте, а сам пошёл в обход, чтобы выгнать оттуда на меня хитрую ушастую живность, если она там спряталась.

Несколько минут я стоял с ружьём наизготовку, пристально вглядываясь в промежуток между кустами, где, вероятно, и должны были появиться зайцы. Шло время, но никакого движения не происходило. Солнце садилось за горизонт, отчего моя тень всё увеличивалась в размерах. Я закинул ружьё за плечо и просто ждал возвращения друга, наблюдая, как таинственно на землю ложатся сумерки.

Внезапно что-то заставило меня резко обернуться. На фоне огромного багрового солнечного диска я увидел силуэт лисицы с распушившимся в полёте хвостом. Это было настолько неожиданное и красивое зрелище, что я не успел даже подумать воспользоваться ружьём. Так и проводил восхищённым взглядом невероятный лисий прыжок, пока она не скрылась за кустами.

Вскоре появился мой расстроенный напарник. Он рассказал, что только что испугнул лисицу, но та оказалась слишком далеко от него.

– Зато я видел её совсем рядом! – с довольной улыбкой сообщил я.

– И...?! – загорелись глаза друга.

– Уж больно хороша была, жалко стало, – искренне соврал я.

– Да ну тебя, охотничек! – разочарованно махнул рукой Саня, и мы молча зашагали домой.

На следующий день погода снова не подвела, радуя безоблачной синевой неба и лёгким бодрящим морозцем. У друга возникли какие-то дела, и я решил отправиться на охоту один.

Побродив несколько часов по глубокому снегу, я вышел на опушку леса. За всё это время мне так никто и не встретился. Зайцы по-прежнему были умнее. Ружьё оставалось висеть на плечах бесполезным грузом.

День был в самом разгаре, и хорошее настроение не покидало меня, несмотря на усталость, которая разлилась по всему телу от долгого хождения по сугробам. Лишь небольшая досада оставалась на душе – от того, что охота опять не удалась. Второй день не довелось воспользоваться ружьём. Я оставался туристом, а так хотелось почувствовать себя охотником.

Остановившись передохнуть, я вдруг услышал громкое, даже какое-то торжественное чириканье сверху. На верхушке самой высокой берёзы, стоящей на опушке леса, сидел воробей. Как и зачем он оказался здесь, вдали от человеческого жилья, было непонятно. Эти птицы мало приспособлены к жизни в лесу, в деревне им гораздо легче найти пропитание и спрятаться от мороза.

Чудак пел изо всех своих воробьиных сил, задрал голову к солнцу. Что пытался он выразить в тот момент? О чём хотел сообщить миру? Может, о том, что рад солнечному свету, благодарен даже за то малое тепло, что подарено ему сейчас, зимой? Или звал весну явиться поскорее?

До сих пор не знаю, что нашло на меня тогда, что заставило снять с плеча ружьё и взвести курок. Почти не целясь, я выстрелил. Гроном среди ясного неба прозвучал мой выстрел. Иней бриллиантовым облаком осыпался с вершины берёзы. Из этого облака выпал кувыркающийся серый комочек и упал в снег.

Я подошёл к воробью. Он был ещё живой и судорожно трепыхался, окрашивая снег своей кровью. Сразу пришло осознание чудовищной нелепости моего поступка. Я поспешно поднял птицу, надеясь ещё спасти её, но дробь пробила маленькое тельце навывлет. Умирая, бедняга из последних сил пытался клевать мой палец. На душе стало гадко и муторно. Слезы навернулись на глаза, а в голове билось лишь одно: «Зачем я это сделал? Зачем?!»

После этого я никогда больше не ходил на охоту и не стрелял по живому. Свои охотничьи инстинкты иногда гашу в тире, при случае доказывая себе и окружающим, что остался мужчиной и с оружием могу обращаться не хуже прочих.

Прошло уже почти полвека, а я всё помню того воробья и мысленно прошу у него прощения. Пытаюсь понять причины своего поступка и не могу найти рационального объяснения. Может, я хотел показать, насколько меткий стрелок? Так зрителей вокруг не было. Потешил самолюбие, утвердился в чувстве своего всемогущества на фоне его беззащитности? Так это глупо и жестоко.

Что же мы за твари такие – люди? Даже сами себе порой не можем объяснить свои действия, а как тогда другим нас понять? Думая о случившемся тогда, утешение я придумал такое: может, это было уготовано свыше, и ценой воробьиной жизни меня отвратили от чего-то более страшного, связанного с оружием? Может быть. Всё может быть...

Необыкновенный пленэр

Эта странная и жутковатая история произошла не так давно с группой самодеятельных художников из большого сибирского города.

Творческое объединение состояло в основном из дам солидного возраста и нескольких немолодых мужчин. Руководила ими Бэлла Борисовна – энергичный и всеми уважаемый человек.

Не так давно к ним присоединилась женщина лет сорока пяти. Звали её Валерия Николаевна. Она давно была в разводе, единственная дочь проживала в другом городе. Поэтому всё свободное время женщина посвящала творчеству и делам объединения. Художники относились к ней тепло, называли её «наша Лера». Новенькая очень недурно рисовала, писала стихи и вела достаточно активный образ жизни, но порой вела себя странно. Как принято сейчас говорить, «была на своей волне». Могла неожиданно прервать беседу и удалиться, или надолго уйти в себя и сидеть рядом с полностью отсутствующим взглядом.

Несколько лет назад Бэлла Борисовна благодаря своим связям в областных властных структурах смогла организовать выезд художников на таёжный пленэр. Сборы были недолги, и в назначенный день в конце марта члены творческого объединения собрались на автовокзале. Через несколько часов пути автобус доставил группу в таёжный посёлок. Тот стоял на берегу небольшой реки в окружении гор, покрытых лесом.

«Творческий десант» из большого города радушно встретило районное начальство от культуры. Гостей разместили в пустующей школе-интернате, так как обучающиеся здесь дети разъехались на весенние каникулы.

Вечером принимающая сторона организовала праздничный ужин с непременно в таких случаях номерами местной самодеятельности. Подвыпившие гости тоже не ударили в грязь лицом и продемонстрировали свои способности в хоровом и сольном пении.

После ухода поселкового начальства к двум приехавшим художникам-мужчинам и нескольким женщинам присоединился кочегар и по совместительству сторож интерната – Митрич. Через пару часов застольного общения гости успели многое о нём узнать.

Оказалось, что Митрич в прошлом учитель истории и признанный в округе краевед. В силу возраста и усугубившейся пагубной привычки он был отстранён от учебного процесса и выгнан из дома женой. С тех пор не только работал, но и жил в интернате, где ему предоставили комнатку и сердобольно подкармливали. И Митрич оправдал оказанное ему доверие: на новом трудовом поприще не получил ни одного взыскания.

Вполне естественно разговор за столом зашёл о местных достопримечательностях. Гости обратили внимание на странное название ближайшей к посёлку горы – Чумная. Она имела плоскую вершину и весьма живописный вид. Но, вероятно, предположили приезжие художники, за столь необычным наименованием стоит какая-то мрачная тайна.

Тут Митрич, конечно же, воспользовался возможностью блеснуть своими краеведческими познаниями и начал рассказывать.

По одной из приведённых им версий, давным-давно в эти места пришёл с севера чёрный шаман. Он поставил свой чум у подножия самой высокой горы, и с его появлением неисчислимые бедствия обрушились на всё живое вокруг. Ураганы, пожары, наводнения и даже землетрясения стали привычными для некогда процветающего края.

Все беды чёрный шаман творил по ночам, а днём отсыпался в чуме, прятаясь от дневного света. Никакие уговоры и дары не помогли смягчить его сердце, шаман лишь громоподобно смеялся из своего жилища над ничтожными людьми. Воочию никто его не видел. Тот, кто пытался войти внутрь чума, от одного взгляда шамана падал замертво или терял рассудок.

Люди и звери начали покидать эти места. И вот после нескольких безуспешных попыток изгнать непрошенного гостя старейшины, собравшиеся на родовом святилище, обратились к великим духам тайги. Они умоляли богов избавить их от чёрной напасти, принеся в жертву своих красивейших дочерей.

Услышали людей всемогущие духи и озарили ночное небо невиданным здесь прежде северным сиянием. Следом явился на огненной колеснице белый шаман. Спряталась нечистая сила от яркого света в свой чум. А белый шаман ударил огненным молотом первый раз – и снёс вершину горы. Ударил второй раз – и на месте чума образовалась пещера, из которой ещё долго валил дым.

С тех пор жизнь постепенно вошла в привычное русло. Люди вернулись в родные края. Пещера с годами частично обрушилась, а память о чёрном шамане растворилась в потоке времени.

– Во заливает Митрич! Прямо сказочник! – с восхищением хлопнул себя по колену самый пожилой из приезжих художников Иван Васильевич. – Таковую байку я сроду не слышал, а ведь всю жизнь в Сибири прожил. Во многих местах бывать приходилось.

– Сам поди напридумывал? – одобрительно заулыбались остальные.

– Я краевед, а не сказочник! Сохраняю память народную, а не придумываю! – обиделся Митрич. – Спросите у местных – не любит эту горку народ. Я, может, и пить-то начал после посещения пещеры, что у подножия горы. Нечисть водится там!

– Ну, ладно! Не обижайся! Уж больно всё эпично и необычно! – стали успокаивать его женщины. – Продолжай.

Вторая озвученная краеведом версия появления странного названия горы оказалась гораздо прозаичней. Однажды в эти края кто-то занёс чуму. Вымерло почти всё население, проживавшее в округе. Тела первых покойных хоронили у подножия этой горы в большой пещере. По незнанию участвовавшие в похоронах родственники заражались и разносили болезнь дальше... Лишь спустя много-много лет эти места заселились вновь. После крупного землетрясения вершина горы обрушилась на русло реки. Тогда же обвалилась и почти исчезла пещера с захоронением, но память о тех событиях сохранилась.

Сколько ни пытались гости узнать у Митрича, что он такого увидел в пещере, – тот каждый раз уходил от ответа. Лишь мотал головой, будто вытряхивая из неё воспоминания, и наливал себе очередную порцию спиртного. Далеко за полночь художники разбрелись по комнатам.

Утром всех разбудил яркий свет, буквально врывающийся в окна. Он заставлял постояльцев счастливо щуриться и улыбаться по-настоящему весеннему солнышку. Людей, выходящих на улицу, громко приветствовали одуревшие от тепла воробьи. Небо радовало своей бездонной синевой. Всюду весело барабанила капель. Триумфальное наступление весны сразу всем подняло настроение. Хотелось творить и радоваться жизни.

После коллективного завтрака художники шумной толпой отправились на свой первый пленэр. Выбор пал на ближайшую гору с интригующим названием Чумная.

В силу своих лет и характера Лера скоро обогнала основную группу и раньше всех достигла подножия горы. Здесь художница решила дождаться остальных и осмотрелась по сторонам. Справа за небольшим скальным образованием она увидела отверстие в горе. Оставив у тропы этюдник, подошла поближе и обнаружила вход в пещеру. Заглянула внутрь, но после яркого солнца ничего не смогла различить во мраке. Любопытство взяло верх, и она сделала несколько шагов вперёд. И испуганно остановилась, услышав, как поддетые её сапогом камешки посыпались куда-то глубоко вниз.

Лера стала пристально вглядываться в открывшуюся под ногами бездну. Вскоре оттуда послышались странные жутковатые звуки. У неё пересохло в горле. Краем глаза Лера уловила какое-то движение и ощутила на себе чей-то взгляд. Он проникал внутрь и расползлся по

всему телу холодными мурашками. Сердце бешено заколотилось. Всё сознание заполнил первобытный животный страх. Резко развернувшись, женщина бросилась к выходу. Споткнулась о камень, упала на четвереньки. Тотчас вскочила и, не оглядываясь, побежала прочь.

Лишь у тропы пришла в себя. В правой руке обнаружила уголёк, который случайно подхватила при падении в пещере.

Подошедшие художники не могли не заметить, как потерянно выглядит их младшая подруга. Этюдник валялся у её ног. Женщина стояла неподвижно и заворожённо рассматривала какой-то предмет на своей ладони.

– Что-то случилось? – озабоченно спросила руководитель группы.

Лера подняла голову. Бэлла Борисовна увидела её широко раскрытые и отрешённые глаза.

– Да что с тобой?! – с раздражением переспросила старшая подруга.

– Там рядом, в пещере... – забормотала женщина.

– Да что случилось? Говори уже толком! Где там? В какой ещё пещере?

Лера указала рукой в сторону небольшой скалы, заросшей мелким кустарником, и продолжила:

– Там пещера... Я видела в ней демонов!

– Что за чушь ты несёшь?! – сердито воскликнула Бэлла Борисовна. – И что у тебя в руке?

– Уголёк... В пещере подобрала. Вернее, я не помню, как он у меня в руке оказался.

– Совсем бабы с ума посходили! – возмутилась Бэлла Борисовна. И уже приказным тоном добавила: – Кончай чудить и пошли дальше! Нам ещё до вершины топать и топать.

Часть художников покачала головой, часть поджала губы, кто-то буркнул пару фраз насчёт последствий долгого бабьего одиночества. Лера молча подняла этюдник и, словно зомби, последовала за группой.

Вершина горы представляла собой достаточно большую и ровную площадку. Отсюда открывался чудесный вид на всю округу.

– Вот здесь и проведём сегодняшний пленэр! – уверенно объявила Белла Борисовна. Художники одобрительно закивали. Все расположились полукругом, собираясь сделать этюды с живописной рекой в долине. Только Лера выбрала место чуть поодаль. Установила этюдник и начала рисовать углём, подобранным в пещере.

Спустя некоторое время художники вдруг услышали с её стороны протяжный вой. Все в ужасе обернулись. Лера стояла у мольберта, не отрывая взгляда от своего листа. Её тело трясло и мотало во все стороны. По всем законам физики, женщина непременно должна была упасть, но она продолжала стоять, принимая самые невероятные позы.

Подбежавшие мужчины подхватили несчастную за руки. Подоспели на помощь и художницы. Лера была словно в бреду, тело по-прежнему сводило судорогами, и её с трудом усадили на раскладной стульчик. У кого-то нашлось лекарство, кто-то налил из термоса горячего чая. В это время Иван Васильевич первым взглянул на Лерин этюдник и весь похолодел. На бумажном листе было изображено косматое чудовище. Взгляд нарисованного монстра вызывал даже не страх, а приступ паники.

Между тем, доселе безоблачное небо с северной стороны стремительно затягивали сплошным фронтом тяжёлые чёрные тучи. Заметно похолодало. Вскоре поднялся сильный ветер, и на землю обрушилась настоящая зимняя метель.

В спешном порядке началась эвакуация с горы. Осложняло спуск ещё и то, что находящуюся в полубессознательном состоянии Леру пришлось вести сразу двоим, а их ноша перешла к другим членам группы. Уставшие и замёрзшие, с ног до головы облепленные снегом художники с трудом добрались до интерната.

Бэлла и Варя под руки завели больную в комнату, раздели. У Леры горели щёки. Её лихорадило. Померив температуру, дали ей жаропонижающее и уложили в кровать. Сделав всё,

что могли в данной ситуации, женщины отправились по своим комнатам переодеться в сухое. Никто даже не подумал передохнуть после изматывающего спуска. Наоборот, взбудораженные последними событиями художники вскоре собралась в общей комнате.

Обменялись впечатлениями, поражаясь мистике произошедшего. А потом стали думать над главным вопросом: как дальше быть и что со всем этим делать?

Долгое молчание прервала Мария Николаевна. Она была самой старшей в группе, гадала на картах и когда-то увлекалась эзотерикой.

– Тут явные проявления нечистой силы, и надо для начала избавиться от этого рисунка! – заявила главный специалист по непонятному.

Бэлла Борисовна как истинный атеист и здравомыслящий человек не могла согласиться со столь примитивной трактовкой событий.

– Про нечистую силу – это уж слишком! – сказала она. – Но если сжечь этот странный и пугающий рисунок, то хуже точно не будет!

На том и порешили. Руководитель группы сама зашла к Лере в комнату. Больная спала, то и дело всхлипывая и подвывая во сне. Бэлла решительно достала из этюдника злополучный рисунок и посмотрела на него. Под тяжёлым взглядом чудовища лютый холод мгновенно сдавил её сердце. Женщина инстинктивно отвернула рисунок от себя. Сердце слегка отпустило, и она непроизвольно перекрестилась.

Подвыпивший кочегар Митрич дремал на лежанке в котельной, когда к нему нагрянула возбуждённая толпа приезжих. Он долго не мог сообразить, чего от него хотят. Потом взял в руки рисунок и протрезвел мгновенно. Открыв дверцу печи, поспешно кинул бумагу на раскалённые угли. Все замерли, видя, как лист шевелится, корчится, но никак не хочет загораться. Наконец пламя медленно охватило его. Чёрный дым тонкой струйкой потянулся из топки в помещение. Митрич быстро захлопнул дверцу.

Только после этого художники разбрелись по комнатам. Пытались дописать свои этюды, смотреть телевизор. Но ни о чём больше не говорили. Все переваривали в себе случившееся за день. А Леру так и оставили в комнате одну, никто из женщин не решился ночевать с нею вместе.

Ночью поднялся ураган невиданной силы. С некоторых зданий, в том числе и интерната, сорвало часть крыши. Повалило кучу деревьев в тайге и в самом посёлке. Весь склон горы Чумной был покрыт упавшими стволами. До утра на улице ревело и гроыхало. По горизонту проносились багровые всполохи. Лишь под утро всё стихло.

О продолжении пленэра не могло быть и речи. Все спешно собирались домой. Зашли в комнату Леры, и от увиденного там у Бэллы Борисовны впервые в жизни подкосились ноги. В помещении был полный разгром, шкаф, тумбочки и стулья валялись на полу. Все стены разрисованы мерзкими чёрными рожами. На сломанной кровати без сознания лежала Лера. Обе её руки, испачканные углём, крепко прижимали к груди подушку.

Позвонили в скорую помощь. Та приехала на удивление быстро. Митрич вызвался помочь медикам вынести больную на носилках. Когда её перегружали в машину, Лера внезапно открыла глаза и встретилась с кочегаром взглядом. Мужчина резко отпрянул, будто кто-то ударил его по лицу.

Пока машина не скрылась за поворотом, Митрич стоял на месте и всё время крестился. После на негнущихся ногах пошёл к себе в комнату, достал заначку и прямо из горла допил бутылку.

Через пару часов совсем пьяный кочегар провожал автобус с художниками. Вытирая рукавом слёзы, он упрямо повторял:

– Быть ещё беде! Быть ещё беде!

Озабоченные гости молча проходили в салон, не обращая на него внимания. Лишь Иван Васильевич раздражённо заметил:

– Не каркай! Куда уж больше-то?! Иди проспись лучше.

Увидев вечером по телевизору, как в большом городе бушует стихия, краевед впервые за последние годы ушёл в запой.

Лишь на третьи сутки по всей округе стих ураган. После многочисленных всполохов и зарниц в ночном небе появилось северное сияние.

Едва держась на ногах, Митрич вышел на улицу. Любуясь доселе не виданным в этих краях зрелищем, он заплетающимся языком радостно объявил:

– Ну, вот и всё! Пришла на супостата управа!

Лере диагностировали полное расстройство сознания, и она ещё долго лечилась в специализированной больнице. За это время никто из коллег её не навестил. Все спрашивали друг друга, как у неё дела, но ни один не нашёл в себе сил прийти в больницу. Больше её никто не видел.

Поговаривали, что, когда женщину выписали, она продала квартиру и, ни с кем не попрощавшись, уехала к дочери. Где она теперь на самом деле? Жива ли? Кто знает, кто знает...

Фартовый

Эту историю я услышал от Грини – своего нового соседа по даче. Пару лет назад он купил старенький садовый домик рядом с моим участком. За это время, привлекая нескольких друзей, произвёл полную и качественную реконструкцию всех строений. Видно было, что Гриня знает толк в своём деле. Потому я и обратился к нему за помощью. Надо было наконец-то закончить мой затянувшийся долгострой – баньку.

Давно установленный кедровый сруб на добротном фундаменте уже дал нужную осадку. Обговорив с соседом объём, сроки выполнения работ и их стоимость, я принялся активно завозить стройматериалы.

В условленное время Гриня прибыл на мой участок с двумя проверенными в строительном деле товарищами. Я, естественно, как мог им помогал.

Между собой напарники называли Гриню Фартовым. А я отметил ещё одну деталь: в отличие от приятелей, сосед никогда не снимал с себя рубаху – несмотря на то, что июльское солнце палило нещадно.

В процессе работы мы с ним постепенно сдружились. Судя по синим перстням на его пальцах и иногда проскальзывающему специфическому жаргону, по молодости Фартовый посещал места не столь отдалённые. Но это не наложило на него роковой печати бывшего сидельца и не сломало в нём человеческого. Он оказался добрым, общительным мужиком.

Через неделю состоялась торжественная сдача объекта. Получив расчёт, напарники Грини уехали в город, а мы с ним пошли испытать новую баню. Заходя в парилку, он снял свою рубаху, и я впервые увидел его спину. По ней от лопаток до поясицы тянулись четыре ужасных шрама.

Уже после бани, когда мы, расслабленные паром и спиртным, сидели за столом, я решился спросить:

– Давно хотел узнать: почему друзья зовут тебя Фартовым? Судя по твоей спине, этого не скажешь. Кто тебя так изуродовал?

Он поёжился и нехотя ответил:

– Жадность человеческая.

Я непонимающе уставился на него.

– Да, из-за жадности всё случилось. С тех пор меня и прозвали Фартовым! – грустно усмехнулся Гриня и начал свой рассказ.

После очередной отсидки он решил завязать с прошлым и подался на Всесоюзную стройку у нас в Сибири. Возводили Саяно-Шушенскую ГЭС, и надо было пробивать просеки для ЛЭП. Лес валить Грине было не привыкать, и таких, как он, на «стройке века» было немало, так что чувствовал он себя в своей стихии.

Быстро сдружился с напарником Коляном. Заводной был парень – шило в одном месте. А поскольку оба родились в деревне, то охота и рыбалка у них были в крови. В выходные пропадали в тайге или на реке – вся бригада потом лакомила свежим мясом и рыбой. И на работе всё шло путём. Платили нормально. Даже планы на будущее по созданию семьи стали появляться в его голове.

К началу осени их строительный участок перебазировали на берег полноводного притока Енисея. Местная тайга в это время богата ягодой, грибами и разной дичью. Славятся здешние реки и рыбой.

В первый же день обустройства на новом месте начальник участка послал двух друзей на разведку окрестностей. На деревянной моторке Гриня с Коляном поднялись от лагеря вёрст на пять выше по течению и нашли замечательную заводь, где должен был стоять таймень. Успели

установить до темна пару сеток и вернулись в стройгородок. С утра отправились обратно. Впереди был замечательный день, свободный от тяжёлой работы. Вовсю светило солнце, на небе ни облачка. Красота!

Причалив к берегу, друзья сначала зашли в тайгу: ребята из бригады попросили принести грибов. Их тут оказалось в преогромном количестве. Заодно набрали по ведру брусники и голубики. Лишь после этого добрались до сеток.

Чуйка их не подвела. Достали с десятков ленок и красавца-тайменя кило на пятнадцать. Довольные, отправились на моторке обратно. И за очередным поворотом реки увидели медведя, плывущего с одного берега на другой.

– Гринь, а мы фартовые ребята! – рассмеялся Колян. – Смотри, как нам сегодня прёт! Всего набрали, что хотели! А тут и мясо само в руки плывёт!

– И чё?! Сам он, что ли, к тебе в лодку заберётся? – хмыкнул в ответ Гриня, жалея, что не взяли они с собой ружьё.

– Зачем сам? Уговорим. Для этого у нас топорик имеется! – продолжая хищно улыбаться, Колян взял в руки топор. – Рули к нему наперерез, а я его приму!

– Кончай дурить, медведь же! – попробовал урезонить друга Гриня.

– Не боись, справимся!

В этом месте река заметно ускорила, и фартовые добытчики быстро приближались к зверю. Тот попытался было повернуть обратно, но сильное течение не оставляло ему никаких шансов удрать. Колян встал поустойчивей, изготавился, и когда медведь оказался вплотную к лодке, с размаху опустил топор на его голову. Но при этом, видно, чуть потерял равновесие, и удар вышел смазанным, прошёл по касательной. Топор лишь рассёк шкуру на лбу зверя и выскользнул в воду. Медведь взревел и с невероятной силой ударил лапой по верху борта. Перевернувшись, лодка сразу пошла на дно. В одно мгновение люди оказались в ледяной воде, их стремительно понесло течением. Из последних сил мужики стали выгребать к узкой полосе галечника. Оглянувшись, с ужасом заметили, что и медведя несёт за ними.

Первым поднялся на ноги Гриня и побежал к скалистому берегу, хоть и понимал заранее, что столь крутое препятствие быстро ему не одолеть. В голове от напряжения стоял звон, но он отчётливо слышал за собой громкое дыхание Коляна.

Вдруг сзади раздался жуткий крик и следом хруст ломаемых костей. Гриня обернулся. Волос на голове зашевелился от увиденного. Медведь с остервенением рвал уже неживое тело друга. Гриня заорал от ужаса и рванул прочь от зверя. Но вскоре крик его перешёл в хрип, ноги стали будто свинцовыми и уже не могли двигаться. Он почувствовал удар, страшную боль между лопатками и потерял сознание.

Очнулся Гриня в лодке. Он лежал на животе поверх каких-то тюков. Бодро работал мотор.

Он попытался пошевелиться и застонал от боли.

– Петрович, смотри! Очнулся! Надо же! – донёсся до него чей-то радостный молодой голос. – Фартовый парень оказался! Успели мы всё-таки!

– Да уж! В рубашке парень родился! – согласился с ним второй, судя по голосу, мужик в годах.

Спустя много-много дней, выйдя из больницы, Гриня нашёл своих спасителей и узнал, как всё произошло.

Момент опрокидывания лодки заметили два геолога, плывшие выше по течению, и поспешили на помощь. При них оказался карабин с оптикой.

Когда зверь задрал Коляна, они были ещё далеко, чтобы наверняка поразить медведя. Но дальше мешкать было нельзя, и старший бывалый геолог, рискуя зацепить человека, всё

же открыл огонь. Лишь вторая пуля смертельно ранила зверя, и тот на последнем издыхании успел дотянуться лапой до своего обидчика.

Гриня просидел с геологами у костра до самого утра. Угощал их специально припасённым для этого случая спиртом и благодарил за подаренную ему жизнь. Мужики улыбались, осторожно хлопали его по ещё болевшему плечу и щедро обещали: «Ты ж фартовый! Теперь сто лет прожить должен!» Гриня кивал головой в знак согласия и вытирал пьяные слёзы.

Хозяин тайги

1

Егерь Петрович воскресным сентябрьским утром проснулся позднее обычного. Всю ночь бушевал ветер, разгонявший тучи, которые несколько дней сыпали мелким дождём. В непогоду у него всегда ныло простреленное плечо – последствие встречи с браконьерами. Ему тогда всё же удалось их задержать и обезоружить. После этого случая местные жители уважительно называли его хозяином тайги.

Боль в плече прошла, и егерь смог наконец-то как следует выспаться. В печке уже дружно потрескивали поленья. Петрович приподнял занавеску и выглянул в окно. Ветер утих, и сквозь туман пробивались первые солнечные лучи, обещая погожий денёк. «Самое время, – подумал он, – отправиться с Глебом собирать кедровую шишку. Уж больно хороший урожай на неё в этом году».

Хлопнула входная дверь, и с ведром воды вошёл его помощник Глеб. Он приходился егерю дальним родственником по материнской линии. Парень с детства не отличался особым умом, едва осилил восемь классов, и с тех пор болтался неприкаянным, не зная, чем себя занять. По состоянию здоровья его не брали в армию, а найти постоянную работу в их таёжном поселке было практически невозможно.

Глеб маялся от безделья и всё чаще стал прикладываться к спиртному вместе с такими же, как он, ребятами, которые не уехали никуда учиться и слонялись без дела: кто-то – ожидая призыва в армию, кто-то – в поисках случайного заработка. Каждый вечер компания молодых людей, разогретая алкоголем (проблем со спиртным в посёлке не было, ведь почти в каждом доме имелся самогонный аппарат), бродила по улицам, задирая от скуки прохожих. Нередко случались и драки.

Мать не на шутку была обеспокоена таким положением дел, и когда Петрович в начале лета наведлся к ним в гости, упростила его забрать сына с собой на кордон, подальше от сомнительной компании. Егерь взял непутёвого родственника без особого желания, уступив настойчивым просьбам Егоровны. Он опасался, что привыкший к безделью Глеб станет ему обузой, но ошибся. Парень оказался исполнительным и добродушным малым. Ему нравилась уединённая таёжная жизнь. Охотно брался за любую работу, и вскоре стал Петровичу первым помощником. Вот и в этот раз, пока егерь спал, парнишка затопил печь и принёс воды из ручья, чтобы вскипятить чай.

Позавтракав и прихватив с собой десяток мешков, они выехали на «Урале» к дальнему кедровнику.

День выдался тёплым и солнечным. Прошедший ураган изрядно потрепал вековые кедры, и земля под ними была усыпана спелыми шишками. Требовалось срочно собрать как можно больше, пока их не опустошили шустрые бурундуки и белки.

К вечеру все мешки были наполнены и составлены в кучу. Оставалось только снести их к машине и погрузить. Но и егерь, и его помощник уже сильно устали. Целый день проходить по склону горы, да ещё и в согнутом положении, с грузом, – работёнка не из лёгких!

Глеб плюхнулся на мешок и, тяжело дыша, стал вытирать рукавом пот с лица. Петрович с трудом опустился на другой мешок, снял с плеча и прислонил к колену ружьё, с которым никогда в тайге не расставался. Прикуривая сигарету трясущимися от усталости руками, он глянул на свою ошутимо потяжелевшую дустволку и с досадой подумал: «Что ж я не оставил её в машине, а таскаю с собой весь день?»

В это время Глеб вдруг резко вскочил и, показывая рукой вверх по склону, истошно завопил: «Медве-е-едь!» Петрович поднял голову. Всего метрах в тридцати он увидел зверя, который огромными прыжками, взлетая над высокой травой, нёсся в их сторону.

В доли секунды егерь успел вскинуть ружьё и выстрелить. Медведь рухнул в заросли травы, и Петрович, уже наугад, послал туда вторую пулю. Наступила звенящая тишина. Сердце бешено колотилось в груди. Патронов больше не было, да и времени на перезарядку тоже. Если косолапый просто ранен и сейчас выскочит на них, – это конец.

Прошла минута, другая... Зверь не подавал признаков жизни. Егерь знал, что даже смертельно раненый медведь очень опасен. Он мог затаиться и копить силы для последнего броска.

Уже смеркалось, и Петрович решил не рисковать – поскорее отсюда убраться. Если косолапый мёртв, то до утра никуда не денется, а если серьёзно ранен – то за ночь обессилеет, и тогда будет легче его найти и с ним справиться. В любом случае с этим зверем надо кончать – он стал слишком опасен.

Постоянно оглядываясь, егерь с помощником быстро спустились к машине и уехали, решив вернуться завтра. Мешки с шишками остались на месте.

Всю дорогу Петрович размышлял над происшедшим и не мог найти ему объяснения. Медведь – умный и осторожный зверь – без видимой причины первым напал на людей. Такое бывалый охотник видел впервые. Счастье, что он всё же не оставил в машине своё ружьё, заряженное пулями. Не доверяя заводским патронам, он всегда сам снаряжал их, не жалея пороха. И вот! Патрон, сделанный его руками, действительно не подвёл!

Утром, прихватив с собой оружие, мешки и ножи для разделки туши, они поехали обратно. Если зверь убит, то мясо и шкура пригодятся в хозяйстве. Не пропадать же добру. А если ранен, то... Об этом не хотелось даже думать. Оба пребывали в тревожном ожидании.

Убитого медведя обнаружили сразу – и в том самом месте, куда он упал в траву после первого выстрела. Разделявая тушу, егерь наконец-то определил причину агрессивного поведения зверя. На правом его плече была огромная гематома, образовавшаяся от попадания дроби.

«Ох! Попадись мне сейчас этот гад, который с испугу или по слабоумию пальнул в медведя!» – со злостью подумал Петрович.

– Сколько же развелось двуногих идиотов, шастающих по тайге с оружием и возомнивших себя хозяевами леса! – продолжил он возмущаться уже вслух.

Глеб, выслушивая гневную речь родственника, не проронил ни слова. Его раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, было жалко зверя. С другой, он испытывал некую удовлетворённость местью за пережитый вчера животный страх.

Петрович между тем пытался понять, к чему привели два его выстрела. Первая пуля застала зверя в прыжке. Раздробив три ребра, она порвала лёгкое и застряла в позвоночнике. Следов второй пули он не обнаружил. Значит, выстрел наугад оказался неточным.

Кончиком ножа егерь извлёк из позвонка медведя сильно деформированную пулю. «Как-никак, она спасла две человеческие жизни», – подумал он и спрятал сплюснутый свинец в карман на память.

2

Вторые сутки невыносимо болело плечо, и с каждым часом боль всё нарастала. Она изводила, сводила с ума, и порой медведь впадал в ярость. Поднимался на задние лапы и с налитыми кровью глазами крушил всё возле себя. Кора, щепы и ветви деревьев разлетались в разные стороны. Отчаянный и страшный рёв стоял на всю округу. Через какое-то время, обессилев, он валился на бок и впадал в забытие от усталости и боли.

Всё началось с неожиданной встречи с людьми хмурым осенним днём. Он переходил горную речку вброд по перекаату. Шум воды заглушал все другие звуки, и медведь не слышал вовремя, не почувствовал приближения беды.

Несколько человек на противоположном берегу он заметил слишком поздно. От ближайшей к нему фигуры с оглушительным грохотом вылетел огонь. В ту же секунду зверь почувствовал ужасающей силы удар в своё плечо. Такой боли он не испытывал, даже когда сражался с огромным сородичем, забредшим на его территорию. На память о той смертельной схватке у медведя остался большой шрам на лапе и порванное ухо.

Тогда был честный бой, глаза в глаза, и он победил. Соперник вынужден был отступить, оставляя на примятой траве капли крови, что текла из раны в бок. Сейчас же всё было по-другому. Противник ударил его своей молнией с безопасного для себя расстояния. Заревев от боли, медведь развернулся и поспешил скрыться в прибрежных зарослях.

Матёрый зверь впервые в жизни убегал от своих обидчиков. Он, хозяин тайги, позорно бежал, понимая превосходство огненной силы врага. Помня уроки матери, медведь всегда старался обходить людей стороной, не сталкиваться с ними. До сих пор это ему удавалось, хотя он несколько раз очень близко видел этих странных существ, не похожих ни на кого из лесных жителей. Даже запахи, которые они оставляли, были странными.

Однажды он обнаружил их тайник, спрятанный под огромным пихтовым вывертом. Там было много необычных предметов. Медведь вытащил их, разложил на траве и стал изучать. Некоторые оказались очень приятными на вкус, и он с удовольствием их съел, разрывая и разгрызая несъедобные оболочки.

Особенно заинтересовали его две плотные ёмкости, наполненные пахучей жидкостью. Зверь легко их прогрыз и попробовал странную воду на вкус. Пить её было нельзя, но резкий запах отпугивал гнус, и медведь на всякий случай повалился в пролитой жидкости. Так он надеялся избавиться не только от назойливых мошек, но и других кусачих паразитов, поселившихся в его шерсти.

До позавчерашней встречи люди были для него случайными чужаками из другого, неведомого мира. Теперь же они стали смертельными врагами, вынудившими его позорно бежать.

За двое суток медведь смог преодолеть горный хребет и вышел на границы своей территории. Боль не проходила, отнимая последние силы. Он впервые пожалел, что скрылся тогда от врагов, а не бросился в бой. Пусть бы погиб, но зато настоящим воином. Сейчас же может просто издохнуть, как старый больной медведь, труп которого он нашёл однажды в яме под сгнившей пихтой.

Хозяин тайги прислонился к огромному валуну, чтобы отдохнуть и перетерпеть новый приступ боли. Закрыв глаза. И вдруг почувствовал человеческий запах!

Медведь напряг слух и вытянул морду, глубоко вдыхая таёжный воздух, определяя, где находится ненавистный враг. Нет, на этот раз убегать он не будет. Пришло время мести за его страдания и унижение.

Слепая ярость закипела в крови, даже боль отступила. Уже точно зная направление, медведь спустился по склону горы до поваленного кедра. Но в этом месте высокая трава мешала обзору. Он встал на задние лапы и осмотрелся. Ниже по склону, метрах в пятидесяти, увидел людей. Двое врагов сидели на белых мешках. Над головой одного вился едкий синий дымок. Ещё ниже на лесной дороге стояла большая машина.

Медведь опустил на четыре лапы, напряг все свои мускулы и резким прыжком оторвал тело от земли.

С восторженным злорадством услышал испуганный крик врага.

Чтобы не потерять противника из виду, пришлось атаковать, высоко подпрыгивая над травой. Во время очередного прыжка, уже в полёте, он увидел комок огня, с грохотом летящий навстречу.

Дом на берегу

От удара о камень гружёный катамаран развернуло. Левый борт щедро окатило ледяными брызгами. К Андрею Николаевичу на какое-то время вернулось сознание. Лёжа на спине, он с трудом провёл по мокрому лицу рукой и открыл глаза. Ладонь была в засохшей крови, но без видимых ран.

Не в силах повернуть голову, мужчина, как мог, огляделся по сторонам. Сквозь пелену едва разглядел Олега и Данилу, которые сосредоточенно гребли вёслами. Больше никого из команды рядом не было.

Бывалый таёжник попытался вспомнить, что же с ним произошло. Но едва только память начала обрывочно восстанавливать прошедшие события, животный ужас, гася остатки пробивающегося сознания, стал выходить наружу кровавой пеной.

Сколько себя помнил, он всё свободное время проводил в лесу или на реке с удочкой. Став взрослым, не изменил своим детским пристрастиям. Каждый год в конце лета Андрей Николаевич брал отпуск и сплавлялся с кем-нибудь по таёжным рекам. Поначалу это были малознакомые, случайные люди, но после многодневного общения в условиях дикой природы многие из них становились друзьями.

Таёжная рыбалка стала лучшим видом отдыха, несравнимым ни с «загорательно-морским», ни с экскурсионно-туристическим. Жена давно махнула на него рукой и отдыхала на югах с детьми или в гордом одиночестве.

Родной брат Андрея Николаевича был пилотом вертолёта. Это помогло значительно расширить географию маршрутов, позволяя с большим грузом забираться в верховья рек за сотни километров от цивилизации. Со временем образовалась постоянная команда единомышленников, с которыми планировались и совершались ежегодные рыбацкие сплавы.

Когда подрос старший сын Сергей, Андрей Николаевич стал брать его с собой. Так, будучи ещё школьником, мальчишка принял участие в нескольких увлекательных таёжно-речных экспедициях. Это дало ему массу полезных в жизни навыков и кучу незабываемых впечатлений.

Поступив в институт, парень часто рассказывал одноклассникам о прелестях такого отдыха. К концу первого курса у него появилось несколько друзей-единомышленников, решительно настроенных провести каникулы на воде в таёжных дебрях. Молодым людям хотелось почувствовать себя настоящими покорителями дикой природы. Среди таких энтузиастов была и девушка Сергея Оля – староста группы и просто красавица.

Однажды за семейным ужином он попросил отца организовать и возглавить сплав по таёжной реке с участием его друзей-студентов.

– А имена у твоих друзей есть? – поинтересовалась мать.

– Олег, Данила, Оля и Татьяна.

– Уж не та ли это Оля?.. – многозначительно продолжила мама.

– Она, – слегка смутившись, ответил Сергей. И добавил: – Татьяна её лучшая подруга.

– Ну что, отец, придётся тебе в этот раз с молодёжью рыбу ловить. Заодно с будущей снохой познакомишься! – с улыбкой обратилась к Андрею Николаевичу супруга.

– Мам, ну зачем ты так сразу! – совсем засмутился сын.

– Да что я, не вижу, что ли, какой ты от неё приходишь?! – махнула рукой мать.

Андрей Николаевич со всей ответственностью приступил к организации предстоящей экспедиции. Учитывая почти нулевую подготовку будущих сплавщиков-рыбаков, выбрал не

самый сложный и не слишком продолжительный маршрут. Восемь лет назад он уже сплавлялся по этой относительно спокойной реке со странным названием Духовая.

Тогда их группе повезло с погодой. Весь путь сопровождало тёплое солнце бабьего лета. Отлично ловился крупный хариус. Нередко попадались ленки и даже страстно желанный для любого рыбака красавец-таймень.

Правда, было одно но... Почти при каждом выходе на берег рыбаки обнаруживали следы косолапого. Раз даже очень близко увидели с воды стоявшего на берегу огромного медведя. Он внимательно наблюдал за проплывающими мимо чужаками. Путешественники почувствовали себя весьма неуютно под его тяжёлым, хищным взглядом. Но всё обошлось.

С тех пор Андрей Николаевич взял за правило на сплаве всегда держать под рукой ружьё, заряженное крупной картечью. Как говаривал когда-то его дед, заядлый охотник: «В тайге ружьё – отец и мать, будет кормить и защищать!»

Дата вылета вертолёта в исходную точку маршрута была согласована с братом заранее. Чтобы собрать всё необходимое снаряжение для сплава четырёх новичков, пришлось проехать по старым друзьям. Кроме того, Андрей Николаевич на несколько раз тщательно перебрал свои рыболовные снасти, что-то меняя и докупая недостающее.

Сергей тоже времени зря не терял и до начала путешествия успел получить охотничий билет. А потому вполне законно унаследовал от отца старую двустволку.

Чем ближе был день отлёта, тем радостнее билось сердце Андрея Николаевича в предвкушении нового незабываемого отдыха на воде. Эх, знал бы он, что ждёт их впереди!

Из-за непогоды борт выпустили на сутки позже. День выдался солнечным и жарким. Молодёжь была в восторге от впервые увиденного «зелёного моря тайги». Ребята много раз слышали эти слова из песни, но только сейчас смогли прочувствовать всю их образность и точность. Сверху горы, покрытые лесом, создавали полную иллюзию бегущих до горизонта волн, между которыми изредка были видны искрящиеся на солнце серебристые нити рек и ручьёв. А ещё в иллюминаторах то и дело появлялись ярко-красочные острова. Это наступающая осень кое-где уже успела позолотить листовые участки тайги, вкрапив в них для пущего эффекта оранжевые и красные фрагменты.

Долетели без происшествий. Выгрузив багаж, с неожиданной грустью проводили взглядами улетающую винтокрылую птицу. Все чувствовали, что теперь ничто не связывает их с привычным миром людей. Так происходит с каждым новичком, добровольно оставившим себя в таинственном, ещё чужом, но ожидаемо прекрасном мире дикой природы.

Андрей Николаевич сразу отметил, что вода в реке после прошедших недавно дождей сильно поднялась и помутнела. «Есть смысл остаться какое-то время на месте, пока вода не спадёт до своего обычного уровня. Заодно проведу для неопытной команды курс молодого туриста-рыбака. Ребята смыслённые, быстро освоятся. Тем более что есть опытный помощник!» – подумал отец, с улыбкой наблюдая за сыном, который с видом бывалого таёжника уже раздавал советы друзьям-товарищам.

Команда приступила к обустройству лагеря. Установив палатки, парни отправились на заготовку дров, а девочки начали готовить ужин. Никто не пытался отлынивать от работы.

Выше по течению послышался шум мотора. Через несколько минут в берег уткнулась длинная деревянная лодка. Из неё вышел седовласый абориген-охотник Мергел. Он готовился к зимней охоте на соболя и завозил в таёжную избушку необходимые запасы. Возвращаясь домой, старик услышал шум улетающего вертолёта и решил поинтересоваться, кого к ним на реку занесло.

Опытные таёжники быстро нашли общий язык, и старый Мергел, приняв приглашение Андрея, решил остаться с туристами на ночёвку. В качестве презента принёс из лодки ногу добытой утром кабарги.

Вечером у костра ребята расспрашивали Мергела о жизни в этих диких краях. Выпивший и расслабившийся старик охотно отвечал на их вопросы.

Особенно взволновали студентов слова охотника о том, что где-то рядом обитают грозные духи тайги и воды. Потому и название у реки такое – Духовая. Почувствовав неподдельный интерес молодых людей к этой теме, Мергел не спеша раскурил трубку и продолжил беседу пересказом местной легенды о проклятии хозяина тайги – золотом самородке.

В прошлом веке в верховьях этой реки нашли золото. Молва об этом быстро разнеслась по краю. Вскоре на берегу образовалось целое поселение золотоискателей. За короткое время люди разрыли до неузнаваемости русло реки у посёлка. Постепенно выбили и всю таёжную дичь в округе.

Это шибко не понравилось хозяину тайги. Подбросил он одному из копателей очень крупный самородок в виде медвежьей головы. Побежал счастливчик в посёлок похвалиться несслыханной удачей. Увидели такое сокровище остальные золотоискатели и потеряли рассудок. Все захотели завладеть самородком и стали стрелять друг в друга. Пальба продолжалась весь день и всю ночь, ещё и пожар начался. К утру посёлок сгорел дотла, а оставшиеся в живых люди покинули эти места, посчитав их проклятыми.

– А что стало с тем самородком? – поинтересовался Олег.

– Самородок больше никто и никогда не видел.

– Возможно, лежит он теперь где-нибудь на берегу, нового хозяина дожидается. Вот бы найти его! – мечтательно высказалась вслух Ольга.

– Что ты, что ты! Не дай бог! – замахал руками охотник. – Это проклятие хозяина тайги. Кому его дух явит, тому большая беда будет!

– Сказки всё это про духов! Жадность людская до беды довела! – вступил в разговор Сергей. – Уж мы бы драться за какой-то самородок не стали!

– А поехали бы все вместе на Мальдивы! – весело продолжил Данила.

– Молоды ещё судить об этом! – резко закончил Мергел ставший для него пустым разговор.

Сергей подбросил в костёр дров. Олег принёс из палатки гитару. В ночное небо вместе с искрами полетели первые аккорды.

Захмелевшие мужики курили и, глядя на огонь, молча слушали, как молодёжь поёт свои песни. Их запутанные тексты взрослым сложно было понять. Это настроило Андрея Николаевича на грустные мысли: «Как быстро всё меняется! Даже одна короткая человеческая жизнь безнадежно отстаёт от бега времени, стремительно меняющего понятия, смыслы, устои...»

От таких умозаключений стало обидно за всё человечество в целом и своё существование в частности. Но стоило ему только поднять голову и увидеть распахнутое звёздное небо, как быстро пришло успокоение, понимание незыблемого постоянства и вечности окружающего. Осознание себя неотъемлемой его частицей. Всё остальное уже воспринималось, как мелкая суета сует. Душа снова начала очищаться, наполняясь любовью к миру – пускай несовершенному, но удивительно прекрасному.

С этим трепетно-волнительным чувством внезапно пришло прозрение: вот ради таких минут он и рвётся каждый год из тесного мегаполиса на необъятные просторы тайги.

Рано утром, пока все спали, Андрей Николаевич проводил Мергела до лодки. Прощаясь, старый охотник настойчиво приглашал «хороших людей» к себе в гости. Когда они сплавятся до его посёлка, он с радостью их примет.

Лишь на третий день вода спала, но погода опять начала портиться. Группа рисковала выбиться из намеченного графика, и Андрей Николаевич, уповая на милость природы, принял решение начать сплав.

С раннего утра быстро собрали лагерь, закрепили надёжно весь груз и отчалили. Первыми поплыли на четырёхместном катамаране отец с сыном и девочки, следом за ними на двухместном – Олег и Данила.

На второй день сплава начался морозящий дождь, который не прекращался весь день. Ближе к обеду группа причалила к берегу, чтобы немного отдохнуть и перекусить. Пока остальные занимались своими делами и доставали съестные припасы, Ольга взяла собранный спиннинг Сергея, выбрала в его снастях самую крупную блесну золотистого цвета и под ехидные реплики ребят сделала первый заброс.

После второй попытки она позвала Сергея:

– Серёж, я, кажется, зацепилась!

Все с ухмылкой повернули головы в её сторону. А согнутый дугой кончик высоко поднятого спиннинга вдруг стал резко дёргаться.

– Ой! Там кто-то есть! – радостно закричала девушка.

Послышалось сладостно-волнующее для каждого рыбака стрекотание разматывающейся катушки под напором крупной рыбы. Олег бросился к катамарану за подсакком, остальные поспешили на помощь удачливой рыбачке.

Через несколько минут пятикилограммовый краснопёрый таймень бил хвостом по прибрежному галечнику. Ольга, продолжая держать спиннинг в одной руке, присела на корточки и принялась другой гладить рыбу голову.

Сергей подошёл к своей девушке и, приобняв её за плечи, торжественно объявил:

– Поздравляю с поимкой хозяина этой реки!

Андрей Николаевич, внимательно осмотрев ещё трепыхающуюся рыбу, поправил сына:

– Скорее, хозяйку!

А потом добавил:

– Будет у нас на ужин сегодня царская уха!

Счастливая Ольга оглядела всех победоносным взглядом.

– Учись, студент! – сказала она Сергею и вручила ему спиннинг.

Все дружно засмеялись.

По ходу движения в тишах часто попадались утки. Появился соблазн полакомиться на ужин ещё и дичью. К тому же Сергею не терпелось опробовать в деле свою двустволку. Он зарядил её патронами с мелкой дробью и положил рядом.

Проходя очередной поворот реки, увидели пару уток, плывущую вдоль невысокого берега, заросшего кустами. Парень вскинул ружьё и нажал на спусковой крючок. Свинцовый рой прибил к воде одну из птиц. Вторая едва успела встать на крыло, как ей вдогонку прозвучал ещё один выстрел.

Внезапно в кустах раздался рёв, и к урезу воды, осыпая вниз камни, скатился молодой медведь. Прижав к груди переднюю лапу, он встал на задние, готовый ринуться на проплывающий мимо катамаран с людьми. Свирепый рык, полный боли и ненависти, прокатился над водой.

Позади Андрея Николаевича раздался истошный крик Татьяны. Из-за этого, видимо, он и запаниковал, схватил ружьё и, почти не целясь, пальнул в медведя. Было видно, как из раны на груди фонтаном брызнула кровь. Зверь развернулся и бросился на берег. Вслед ему прогремел второй выстрел.

Трясушимися руками Андрей Николаевич стал перезаряжать ружьё, а в это время остальные члены экипажа судорожно гребли вёслами, стараясь как можно быстрее уйти от опасного места.

Катамаран вынесло на течение, и вскоре перепуганная команда оказалась за речным поворотом, где их уже ожидали Олег и Данила, плывшие до встречи с медведем вторым номером.

Опасность миновала. Все с облегчением выдохнули. Отец зло посмотрел на сына. Тот только пожал плечами и хрипло выдал из себя: «Кто ж знал, что так будет?»

К концу дня сплавщики до нитки промокли и очень устали, преодолевая отмели и лавируя между торчащими повсюду из воды огромными валунами.

Начинало смеркаться. Дождь на время прекратился, но появилась новая напасть: неожиданно реку накрыл густой туман, из-за которого едва просматривался ближайший берег. Плывающий сзади двухместный катамаран с ребятами будто растворился в белой пелене. Надо было срочно искать подходящее место для остановки и оборудования лагеря на ночлег.

Андрей Николаевич хорошо помнил весь этот ранее преодоленный маршрут. По его прикидкам, они подплывали к Медвежьей скале, от которой до ближайшего жилья оставалось ещё километров сто. Именно отсюда начинались самые рыбные места. Но не об этом мужчина думал сейчас. После неожиданной встречи с медведем его не покидало чувство вины и тревоги. Память раз за разом прокручивала пережитые недавно ощущения, от которых по телу пробегал озноб.

Вскоре из пелены тумана проявились контуры той самой скалы, что напоминала профиль головы медведя, пьющего из реки. «За ней должна начаться небольшая тишь», – машинально отметил про себя Андрей Николаевич. Обогнув каменную звериную морду, катамаран действительно вышел на тихую воду.

Неожиданно на левом берегу сквозь туман показался дом. С крутого берега к воде вели деревянные сходни. Опытный сплавщик был удивлён, он не смог вспомнить о существовании здесь турбазы, но в их положении это был самый лучший вариант. Он дал команду причаливать. Тяжело гружённый катамаран уткнулся в прибрежные камни.

На правах старшего Андрей Николаевич первым поднялся к дому, надеясь встретить там хозяев турбазы, чтобы попроситься на ночлег. Но на его зов никто не откликнулся. Крикнув ещё раз и не дождавшись ответа, он толкнул входную дверь. Та была не заперта. После осмотра всех помещений и прилегающей территории стало ясно, что здесь никто не живёт. В общей комнате царил беспорядок. Стол, табуреты и скамья валялись на полу. Одно из окон разбито. Но всё же наличие крыши над головой было несказанным подарком для промоклих и уставших путешественников.

Недалеко от дома в реку впадал шумный ручей, на берегу которого стояла баня. И вот она-то оказалась в полном порядке. Даже большая деревянная бочка в предбаннике была почти доверху наполнена водой.

Андрей Николаевич затянул куском плёнки разбитое окно и затопил в доме печь. В это время Татьяна с Ольгой расставили опрокинутую мебель и подмели пол, а Сергей почистил на берегу пойманного днём тайменя. Затем девушки принялись готовить ужин, а отец с сыном – носить с берега в дом необходимые для ночлега вещи. Олега и Данилы всё не было.

После сытной ухи и принятого «для сугрева» спиртного молодёжь заметно повеселела. Возможность поспать в тепле придавала студентам оптимизма. Несмотря на отсутствие части команды, поход стал казаться им не таким уж и трудным.

Лишь Андрей Николаевич был угрюм и немногословен. Он никак не мог понять, откуда здесь взялась турбаза. На вид строению не один десяток лет, однако восемь лет назад, когда

он сплавлялся этим маршрутом, здесь точно ничего не было. Беспокоило и отсутствие второго катамарана.

«Вероятно, в тумане ребята не заметили дом и проплыли мимо. Придётся им ночевать под дождём в палатке и довольствоваться сухим пайком. Вся посуда для приготовления находится с нами. Сами себе усложнили жизнь. Не будут в следующий раз далеко отрываться от нас», – так справедливо рассудил старший группы, но спокойствия это не принесло.

Всё же накопленная за день усталость давала о себе знать. Баню решили истопить на следующий день. Развесив вокруг печи ещё влажную одежду, все отправились спать. Девчата расположились поближе к печке, а отец с сыном – в соседней комнате.

Андрей Николаевич расстелил спальник на нижнем ярусе нар и попытался заснуть. Несмотря на усталость, сон никак не шёл. Наоборот, в душе с каждой минутой нарастала необъяснимая тревога.

Вокруг стояла непроглядная ночная тьма. Он поднял голову и прислушался. По крыше едва слышно барабанил дождь. На соседних нарах ворочался сын.

Вдруг за окном появился всполох. Свет выхватил из темноты погруженные в туман ветви деревьев. Белая пелена, будто живая, шевелилась и плавно перетекала из одной тени в другую. Мужчина поднялся и осторожно выглянул в окно.

К дому медленно приближалась светящаяся точка, периодически выхватывая по сторонам из кромешной тьмы ватные силуэты кустов, высокой травы и ветви деревьев. «Фу ты, чёрт! Это же налобный фонарик! – ругнулся Андрей Николаевич. – Должно быть, кто-то из девчат вышел до туалета».

Он уже отходил от окна, как внезапно краем глаза успел уловить нечто.

Между крон деревьев показалось пульсирующее кроваво-красным светом бесформенное образование. Оно начало опускаться вниз, с каждой секундой всё отчётливее приобретая контуры медведя. Когда светящийся призрак зверя опустился на землю и закрыл собой луч фонарика, все услышали отчаянный крик Татьяны.

Андрей Николаевич увидел, как несчастная девушка кинулась в противоположную от огненного монстра сторону и исчезла в непроглядном тумане. Её фонарь, слетевший с головы, упал на землю и продолжал едва светиться. Призрак на глазах стал терять форму и быстро погас, растворившись во мгле.

В это время Ольга, разбуженная криком подруги, колотила в дверь к мужчинам, испуганно причитая: «Ой, мамочки! Что случилось?! Ой, мамочки!» Сергей бросился ей навстречу.

– Кто-то напал на Татьяну! – крикнул им Андрей Николаевич, схватил ружьё и выскочил во двор. Следом, включив фонарики, выбежали молодые.

Осмотрели внимательно всю тропинку и прилегающую территорию. Кроме горящего фонарика ничего обнаружить не удалось. Сбившись в кучку, долго звали пропавшую охрипшими от страха голосами. В ответ была тишина. Лишь где-то вдалеке пару раз ухнул филин. Девушка бесследно исчезла.

Подавленные происшедшим люди собрались в общей комнате. Выяснилось, что никто в этом доме так и не смог заснуть. Сергей всё время успокаивал Ольгу, впадшую в тихую истерику.

Неожиданно где-то на другом берегу раздались душераздирающие крики. Будто кто-то рвал на части живое тело, и жертва редела от боли. Была ли это Татьяна или другая женщина, был ли это вообще человеческий крик или крик дикого животного, – оставалось неясным. Все с ужасом прислушивались к каждому новому звуку. У Ольги мелкой дробью застучали зубы. «Я где-то ч-читала, что так к-кричат лисы!» – прошептала она и от страха уткнулась Сергею в плечо.

Это продолжалось достаточно долго. Андрей Николаевич не выдержал, вышел на крыльцо и пальнул вверх из двух стволов. Выстрел громом пронёсся по долине реки, эхом

отражаясь от прибрежных скал. Крики прекратились. Все, не сомкнув глаз, просидели за столом до утра.

Лишь только рассвело, отец и сын вновь отправились на поиски Татьяны. Через пару часов блужданий в тумане они вернулись ни с чем, едва сумев отыскать дорогу к дому.

Время приближалось к полудню, но белая пелена никак не рассеивалась. Люди были растеряны и не знали, что делать дальше. Все понимали: продолжать сплав нельзя, нужно как-то прояснить ситуацию с пропавшим членом команды. Строились различные предположения – от простых до самых невероятных.

Ольга непрерывно плакала, периодически переходя на выворачивающий душу тихий вой. Сергей не отходил от неё, не зная, как успокоить подругу.

Чтобы как-то отвлечь молодых от страшных мыслей, Андрей Николаевич попросил девушку растопить печь в бане, а сына отправил подкачать баллоны на катамаране.

Ольга взяла охапку дров и зашла в баню. Ей не составило особого труда растопить печь. Вскоре поленья затрещали в гудящем пламени, помещение стало быстро наполняться теплом. Теперь требовалось согреть воду, набрав её в печной бак из деревянной бочки.

Перед тем, как зачерпнуть ковшем воду, девушка мельком заглянула внутрь. На дне что-то блестело. Присмотревшись, Ольга отчётливо разглядела золотой самородок величиной с мужской кулак. Вот так находка! Радость и удивление даже приглушили панику, не отпускаящую её всё последнее время. «Как он сюда попал? Кто его здесь оставил? Как его достать?» – один за другим задавала она себе вопросы.

Деревянная ёмкость была высотой ей почти по плечи. Ольга разделась и аккуратно сложила одежду на лавке. Держась левой рукой за край бочки, она набрала в грудь побольше воздуха и, погрузившись в воду с головой, попыталась правой дотянуться до самородка. Это ей почти удалось, но вдруг неведомая сила ухватила её за руку и неудержимо потянула вниз. Тело опрокинулось, и девушка полностью ушла в ледяную воду.

К её великому ужасу, бочка оказалась без дна, и невероятное погружение продолжилось. Отчаянный крик о помощи захлебнулся в воде. Изо всех сил барахтаясь, Ольга пыталась сопротивляться, но быстро почувствовала, как ноги немеют и перестают слушаться. Вскоре из-за холода отказала вся нижняя часть тела, зато рука её неожиданно стала свободной. Уже теряя сознание, девушка увидела над собой баллон катамарана и стала судорожно пытаться ухватиться за него.

Проверив давление в баллонах, Сергей разматывал верёвку для крепления груза, когда услышал всплеск и стон со стороны реки. Повернув голову, он увидел в воде перекошенное от ужаса лицо Ольги и её руки, отчаянно пытавшиеся вцепиться в катамаран. Парень бросился в реку, успел схватить девушку за волосы и потянул к берегу. Твёрдо встав на ноги, он перехватил под мышки обнажённое Ольгино тело и приподнял из воды. Но вместо её ног увидел тёмный рыбий хвост с ярко-красным, как у тайменя, плавником.

Руки сами разжались, и Сергей с диким воплем, скользя и падая, на четвереньках преодолел береговой подъём. Не чуя под собой ног, не видя ничего вокруг, он побежал в сторону дома. Из горла, скованного ужасом, вырывался лишь звериный рык.

На шум во двор выскочил Андрей Николаевич с заряженным ружьём. Готовый ко всему, он увидел, как, поднявшись на задние лапы, с хриплым рычанием на него надвигается чёрный медведь. Мужчина вскинул ружьё и с двух стволов в упор выстрелил в грудь зверя.

Словно в кадрах замедленной съёмки проплыло перед глазами отца, как свинец вгрызается в тело нападающего хищника, как медвежья шерсть превращается в дождевик сына и как тело Сергея оседает на землю у его ног.

Бросив ружьё, Андрей Николаевич упал на колени и стал трясти сына за плечи. Долго пытался привести его в чувство, но не смог, и только тогда осознал до конца весь ужас содеянного. Обхватил свою голову окровавленными руками и взревел диким зверем.

Его «Не-э-эт!!!» эхом металось по берегу, отражалось от прибрежных скал и билось в щупальца тумана, обвившие всё пространство вокруг. Те, будто живые, вздрагивали при каждом очередном рёве и нехотя чуть раздвигались в стороны.

Всё поплыло перед глазами. Андрей Николаевич бросился к берегу, на ходу выхватил нож и, обрезав веревку, столкнул катамаран в реку. Течение медленно подхватило его.

Из последних сил мужчина взобрался поверх кучи груза и лёг на спину. Всё тело трясло, как в лихорадке, изо рта шла кровавая пена. Дом на глазах начал расплываться и таять, тоже превращаясь в бело-ватные щупальца, которые тянулись следом по воде, пытаясь достать беглеца. Это было последнее, что увидел на берегу Андрей Николаевич.

Олег и Данила с вечера не находили себе места. Пройдя удивительно плотную полосу тумана, они уже в полной темноте прибились к берегу, так и не догнав товарищей.

С трудом нашли подходящее место для палатки, установили её и, наскоро перекусив, легли спать.

Ночью ребята слышали выстрелы выше по течению и поняли, что не заметили остановку головного катамарана. Они здраво рассудили, что так Андрей Николаевич обозначил для них место своего расположения. Парням ничего другого не оставалось, как ожидать, пока товарищи сплавятся до них.

На следующий день, когда солнце поднялось над кронами деревьев, туман почти рассеялся. Только выше по течению он продолжал стоять сплошной стеной. Близился полдень, а отставших членов команды всё не было.

Вдруг опять послышались выстрелы. Вскоре на реке из клубов тумана выскользнул большой катамаран, но людей на нём видно не было.

«Наверное, он отвязался и уплыл. Ребята решили выстрелами нас предупредить!» – предположили молодые люди и поплыли наперехват.

Догнав катамаран на середине реки, они были поражены, обнаружив на нём лишь лежащего Андрея Николаевича. Тот был в ужасном состоянии: постоянно бредил про дом на берегу, живой туман и медвежье проклятие. Стало ясно, что случилась страшная беда. Надо было срочно найти людей и просить их о помощи.

Лишь к концу вторых суток ребята на катамаране добрались до посёлка. К тому времени отец Сергея умер, не приходя в сознание.

По сбивчивым рассказам студентов местный участковый Михаил Романович определил примерно место ЧП. Доложил о нём в район и побежал по посёлку собирать народ.

Несколько добровольцев во главе с полицейским на двух моторках с раннего утра выдвинулись к месту происшествия. Олег и Данила, разумеется, тоже отправились с ними.

После обеда по обрывку верёвки на кусте обнаружили место стоянки пропавших туристов. Поднявшись на берег, посреди небольшой поляны обнаружили тело Сергея и рядом с ним двуствольное ружьё. Поодаль виднелась заваленная четырёхместная палатка.

Тщательно осмотрели и прочесали всю прилегающую территорию. Пропавших девушек ни живых, ни мёртвых не обнаружили. Лишь на плоском камне возле ручья, впадающего в реку, нашли аккуратно сложенную женскую одежду. Поиски тела в реке никаких результатов не дали.

Сидя на берегу и глядя на текущую воду, охотник Мергел произнёс мрачно:

– Духи тайги и реки дань свою опять забирали, однако!

– Что ты несёшь, старый?! Какие духи? Какая дань? – раздражённо скривился участковый. – Перепились и постреляли друг друга! А нам теперь разгребать всё это!

Он связался с начальством по «спутнику» и доложил обстановку. Ему велели возвращаться с телом убитого обратно в посёлок. В скором времени обещали выслать вертолёт и организовать большую поисковую группу МЧС.

Завершив все формальности осмотра места происшествия и дав указание грузить тело в лодку, участковый присел рядом с Мергелем. Сняв фуражку и вытирая пот со лба, Михаил Романович продолжил возмущаться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.